

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Эпистемология

Цель – рассмотрение эпистемологических проблем в философии досократиков, знаний и невежества в учении Сократа, а также диалога Платона «Теэтет».

План

1. Эпистемология досократиков.
2. Знания и невежество по Сократу.
3. Знания в «Теэтете» Платона.

Ключевые слова: знание, теория познания, эпистемология, путь истины и путь мнения, парадигма знаний, эпистема.

Данная лекция посвящена вопросам эпистемологии, в частности, теории познания досократиков, понятиям знания и невежества у Сократа, а также диалогу Платона «Теэтет», рассмотренным Энтони Кенни в четвертой главе его книги.

Кенни начинает четвертую главу с того, что определяет раздел философии под названием эпистемология: расследование того, что может быть известно, и как мы можем это знать. Мы все имеем многие убеждения по многим вопросам; но могут ли они считаться реальным знанием? Что такое истинное знание и чем оно отличается от простой веры? Есть ли надежный способ обрести знание об истине, устранить ложные убеждения, которые являются простыми представлениями? Этими вопросами занято внимание греческих мыслителей с самых ранних периодов философии.

Представитель досократической эпистемологии Парменид вполне может претендовать на роль основателя теории знания: по крайней мере, он первый философ, который проводит систематическое различие между знанием и верой. В начале его знаменитой поэмы богиня обещает, что он будет знать все, как достоверную правду, так и недостоверные мнения смертных. Поэма состоит из двух частей: путь истины и путь мнения. Путь истины излагает теорию бытия Парменида, которую Энтони Кенни более подробно рассматривает в шестой главе, посвященной метафизике. Путь мнения имеет дело с миром чувств, миром перемен и цвета, миром пустых имен. Смертные, которые не принимают путь истины, потоплены в метафизических ошибках, и вообще ничего не знают. Глухие, ошеломленные и слепые, их можно назвать «двуглавыми» из-за внутренних несоответствий их убеждений.

Резкий контраст между реальностью и кажущейся видимостью также встречается в трудах другого философа, Демокрита. Для него атомы и пустота – это только две реальности, и качества, воспринимаемые чувствами, – это всего лишь внешняя видимость. Чтобы показать, что чувственная видимость не может быть истиной о вещах, он утверждает, что они конфликтуют друг с другом. Больные и здоровые по разному воспринимают вкус еды, люди не находят общий язык с животными, и сенсорные свойства кажутся различными даже одному и тому же индивиду в разное время, – писал Аристотель в своей Метафизике. Чувственная видимость ведет только к вере, а не к истине. «Условно сладкое, – цитирует Демокрит, – условно горькое; условно горячее, условно холодное; условно цветное, но в реальности – атомы и пустота». Сказать, что такое утверждение, как «ветер холодный», провозглашает ложное убеждение, не то же самое, что сказать, что оно провозглашает то, что верно только условное; но что бы ни имел в виду Демокрит, ясно, что он утверждал, что чувства не дают правды о независимой реальности.

Если я стою на том же ветру, что и вы, и объявляю его горячим, а вы говорите, что он холодный, Демокрит сказал бы, что никто из нас не говорит истину. Софист Протагор занял совершенно противоположную позицию: он утверждал, что каждый из нас говорит правду. «Человек есть мера всех вещей, – выдвинул Протагор знаменитый тезис, – существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют». Все, что кажется верным конкретному человеку, верно для этого человека. Все верования, поэтому, истинны, но у них

есть только относительная истина. Нет такой вещи как независимая, объективная истина, которую искал Демокрит, и не нашел в чувственной видимости. Демокрит считал, что учение Протагора само себя опровергает. Если все верования истинны, то среди истинных верований есть вера в то, что не каждая вера истинна.

Возможно, Протагор пытался противостоять этому возражению. Выражение «мне кажется что ...», и его эквивалент на греческом языке, может охватывать либо смысловые впечатления, либо мнения, и этим фактом пользуется Демокрит в своем опровержении. Исторически, однако, Протагор не использовал этот путь бегства: его интересы гораздо шире, чем область чувственного восприятия. Диоген Лаэртский приводит его слова, что у каждой вещи есть два противоположных объяснения, а Сенека утверждал, что по каждому вопросу можно спорить одинаково хорошо с обеих сторон.

Для Протагора, вся истина относительна, и не только истина об очевидно субъективных вопросах, таких, как ощущение ветра. Он не приводит никаких аргументов в защиту этого тезиса, насколько мы знаем, но данный тезис дает ему возможность избежать ловушки Демокрита. Он может принять утверждение, что «некоторые убеждения ложны» как верное, но оно верно для Демокрита. Протагор же продолжает верить, что утверждение «Нет ложных убеждений» истинное, конечно, только для него самого, для Протагора. Должен быть какой-то другой способ разобраться в вопросе между ними двумя, способ, который, как мы увидим, пытался обеспечить Платон.

Софистов всегда обвиняли в том, что они были проводниками скептицизма. Некоторые думают, что Сократ тоже из этого ряда мыслителей. Сократ, конечно же, пошел дальше всех в своем стремлении к знаниям, да и в осознании собственного невежества был на голову выше всех. Но он никогда не оспаривал претензий к знаниям мастеров и экспертов в их собственных областях. Действительно, снова и снова, в сократических диалогах Платона, мы проходим через полдюжины видов декоративно-прикладного искусства – сапожное дело, судостроение, навигация, кулинария, медицина – чтобы обеспечить парадигмой знаний тех, кто претендует на моральные и политические знания. Если Сократ был скептиком, то это был ограниченный и условный вид скептицизма.

Но для того, чтобы оценить эпистемологию Сократа, и понять эпистемологические тезисы, которые Платон в своих диалогах вкладывает в уста Сократа, необходимо обсудить различные греческие слова, которые более или менее соответствуют английскому слову «knowledge». Само слово «эпистемология» происходит от греческого слова «эпистема», которое часто использовалось для того, чтобы показать знание довольно грандиозного вида, так, что одно из его английских эквивалентов – «наука». Кроме глагола «epistamai», который идет с этим существительным, есть более скромные слова для повседневного знания. Следовательно, кто-то, кто отрицает возможность эпистемы в определенной области, не обязательно скептик, исключая возможность всех знаний.

Дельфийский оракул заявил, что никто не был мудрее Сократа. После опроса тех, кто имел репутацию мудрых, Сократ пришел к выводу, что он мудрее их в том, что не верил ложно, что знает то, чего не знает. Вопрошая политиков и поэтов, он пришел к выводу, что они не имеют никакого реального знания в областях, в которых они создали свою репутацию. Когда Сократ вопрошал мастеров, он убеждался в том, что у них были знания (episteme) многих вещей, в которых он был невежественным, и они были намного мудрее его. Проблема заключалась в том, что, опираясь на свой специфический опыт, они считали себя столь же мудрыми в других, более важных вопросах. Сократ решил, что он лучше, чем они, лишенный и их мудрости, и их невежества.

В сократических диалогах Платона всегда есть кто-то, кто претендует на знания в определенной области; как правило, персонаж утверждает, что знает природу определенной добродетели, или ремесла. Таким образом, Евтифрон утверждает, что знает о благочестии и нечестии, Менон счастлив знать, что такое добродетель, и даже скромный Хармид думает, что знает, что такое скромность. Сократ придает своим вопросам такой характер, чтобы получить знания, выраженные в определениях. После резюмирования каждого определения, Сократ выявляет его недостатки, или производит контр-примеры, или выявляет двусмысленности в его терминах. Контрпримеры могут принимать две формы: они могут показать, что определение

охватывает больше, чем следует, или, что оно меньше по объему, чем должно быть. Таким образом, когда Цефал в «Государстве» говорит, что справедливость начинается с изречения правды и возвращения долгов, Сократ жалуется, что вернуть заимствованное оружие безумному другу – это не справедливо. С другой стороны, когда Лахес, в одноименном диалоге, говорит, что мужество – это стоять на своем посту, не убегая, Сократ отмечает, что тактическое отступление тоже может быть выражением мужества. Рано или поздно, якобы эксперт в своей области должен признать, что его определение не является верным; а его неспособность дать удовлетворительное определение показывает отсутствие стремления к знаниям.

Знание сути чего-то – это явно совершенно особый вид знания: и со времен Сократа и Платона это было парадигмой знания для многих философов. Другие философы, в последнее время, критиковали сократовский упор на знание сущностей. Витгенштейн указал, что среди предметов, которые больше всего интересуют философов, некоторые могут не иметь такой сущности вообще.

Можно согласиться, что знание, в бытовом смысле английского слова, может не иметь полномочий на определение и делимитацию. Однако, специальной задачей философа является поиск сущности, или, в зависимости от случая, поиск сходства между различными применениями понятия. Цель этой специальной задачи – достичь уровня знаний или, по крайней мере, понимания, который превосходит то, чем обладает обычный неформальный потребитель понятия. Именно для этого уровня понимания Платон, в его зрелых диалогах, использовал греческое слово «episteme».

Один из самых значительных диалогов Платона, Теэтет, посвящен вопросу: Что такое знание (эпистема)? Этот диалог, хотя и не ранний, имеет структуру, привычную для сократического диалога: главный герой (в данном случае блестящий молодой математик) предлагает ряд определений, все они, в свою очередь, отвергаются Сократом, и драма заканчивается провозглашением невежества. Молодой Теэтет в начале диалога обременен ответами на вопрос: «Что такое знание?» Сократ предлагает себя в качестве акушера, чтобы привести его к рождению истины; но беременность оказывается мнимой, с иллюзией вместо плода.

Первое предложение Теэтета заключается в том, что знание состоит из таких вещей, как геометрия и астрономия, с одной стороны, и сапожное и столярное дело, с другой стороны. Это не проходит: Сократ никогда не будет доволен перечислением, и он говорит, что если бы мы попытались определить геометрию и плотничье дело, слово «знание» само обнаружилось бы в определении. Теэтет далее предлагает, что знание есть восприятие: знать что-то – значит воспринимать это с помощью чувств. Сократ отмечает, что, поскольку только то, что верно, может быть известно, что знание может быть чувственным восприятием, только если такое восприятие всегда правильно. Но это может быть только в том случае, если мы примем тезис Протагора, что все, что кажется конкретному человеку, верно для него.

Что касается сиюминутных ощущений, то тезис Протагора будет правдоподобнее тезиса Гераклита о том, что мир находится в постоянном движении. Цвета, которые мы видим, не являются стабильными объектами: когда мой глаз сталкивается с куском мрамора, белизна мрамора и мое видение этой белизны, это два сиюминутных предмета, близнецы, рожденные вместе в результате встречи родителя глаз и родителя мрамора. Если, по конкретному случаю я говорю «Это белое», то я не могу ошибаться: никто другой не в состоянии противоречить этому. То же самое относится и к другим видам чувственного восприятия.

Допустим, мы уступаем Протагору, и верим в то, что в таком случае говорит воспринимающий. Тем не менее, Сократ настаивает, что есть много других случаев, где было бы абсурдно делать такое заявление. Нам снится, что мы летаем; человек может сойти с ума и думать, что он Бог. Разве это не те случаи, когда то, что кажется человеку, является неправдой? И даже обычные случаи, когда восприятие не является ошибочным, не могут быть случаями реального знания. Как мы можем быть уверены, что нам не снятся сны? Половина нашей жизни проводится в постели, и это обычное дело, когда невозможно доказать, спишь ты или бодрствуешь.

В этот момент Сократ дает ответ Теэтету (и Протагору) – довольно слабый ответ, так как это касается не спящих или безумцев, но больных людей, на чьи чувства влияет болезнь.

Предположим, Сократ болеет, и сладкое вино кажется ему кислым. По мнению Гераклита, вкус вина – это результат качества вина и вкуса дегустатора. В качестве дегустатора больной

Сократ отличается от здорового Сократа. Это может быть неправдой, что вино кислое, но оно, в его болезни, кислое для Сократа. В этом случае нет ошибочного восприятия, как и нет равнозначности знания и восприятия. Сократ в диалоге переходит на разные темы. Бывают случаи восприятия без знания: мы слышим разговорный иностранный язык, не зная этого языка. Есть случаи знания без восприятия: когда мы закрываем глаза и вспоминаем то, что мы видели, мы знаем, как это выглядит, и все же больше не видим этого. Но если знания равны восприятиям, то оба эти случая должны быть одновременно знанием и незнанием. Разве это не абсурд? Но даже сейчас Сократ готов предоставить Протагору выход. Легко показать случаи одновременного восприятия и не-восприятия: если вы носите повязку на одном глазу, вы видите что-то одним глазом, но не другим. Так если восприятие равно знанию, неудивительно, что вы можете как знать, так и не знать, в одно и то же время.

Последний аргумент, с помощью которого Сократ приводит Теэтета к отказу от предложения о том, что знание – это восприятие, заключается в том, что объекты, воспринимаемые нами с помощью чувств, доставляются нам по разным каналам: мы видим глазами и слышим ушами. Цвета – это не то же самое, что звуки; мы не слышим цвета, и мы не можем видеть звуки. Но что означает суждение, что цвета – это не то же самое, что звуки? Откуда берется это знание? Оно не может исходить из глаз, потому что не видят звуков, не может приходить от ушей, так как они не слышат цвета. Кроме того, нет органа для обнаружения сходства, подобно органам зрения и слуха. Душа сама созерцает общие термины, которые применяются для избавления от всех чувств.

Теэтет, в ответ на этот аргумент, переходит к следующему предложению определения знания. Знание – это не восприятие (эстетизм), это мысль (докса), а мысль – это деятельность души сама по себе. Когда разум думает, как будто он разговаривает сам с собой, спрашивает и отвечает на вопросы, и молча формирует мнения. Знание не может быть идентифицировано прямо с мыслью, потому что есть ложные мысли; но, возможно, мы можно сказать, что знание – это истинная мысль.

Сократ, после интересной диверсии, в которой он указывает, что понятие «ложная мысль» не лишено своих проблем, высказывает свои возражения против этого определения. Иногда у людей возникают истинные мысли и формируются истинные мнения, когда они не имеют реальных знаний. Если умный адвокат убеждает жюри в вынесении определенного вердикта, тогда, если вердикт согласуется с фактами, присяжные формируют истинное мнение. Но сводятся ли их истинные мысли к знаниям? Не совсем, говорит Сократ: только свидетель в состоянии действительно знать, что произошло в случае предполагаемого нападения или ограбления. Поэтому знание не может быть определено как верная мысль.

В конце концов, после опровержения Сократом оставшихся доводов, Теэтет сдается. Возможно, если бы он перешел к другим предложениям определения знания, основанным на «оправдании», «причине», «доказательстве», на определении знания как истинной веры, плюс Логос, тогда их нашли бы удовлетворительными многие философы в течение последующих тысячелетий. Но платоновский Сократ не так легко поддается убеждениям, и Платон, в шестой и седьмой книгах «Государства» с помощью Сократа показывает другую эпистемологию в совсем другом стиле.

Вопросы для закрепления темы

1. Что такое эпистемология?
2. Кто из представителей досократической философии может претендовать на роль основателя эпистемологии?
3. В чем особенность эпистемологии Демокрита?
4. Почему для Протагора истина всегда относительна?
5. В чем заключается сократический метод достижения истины?
6. Какие доводы приводит Теэтет для определения знания, и как их опровергает Сократ?
7. Какие определения знания могли бы привести вы?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. - 624 с.
4. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
5. Чернышев Б.С. Софисты. – М., 2015.